

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР И ЛИБЕРАЛЫ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье анализируется отношение либералов к террору накануне Первой российской революции. Рассматриваются их тактические приемы. Делается вывод о том, что многие либералы были сторонниками применения политического террора против власти.

Ключевые слова: история России; революция 1905-1907 гг.; террор, либерализм, тактика

В начале XX в. индивидуальный политический террор в России стал массовым явлением. Его жертвами, по утверждению А. Гейфман, «с 1901 по 1911 гг. стали около 17 тысяч человек, причем пик террора пришелся на 1905-1907 гг., когда было убито и ранено более 9 тысяч человек, в большинстве своем – сотрудники государственного аппарата» [5, с. 31-33].

Власть воспринималась интеллигенцией, в том числе и либерально настроенной, как «воплощение абсолютного зла», поэтому, как отмечает М.И. Леонов, «убийство или покушение на убийство для достижения определенных политических целей было обусловлено убежденностью в бесчеловечности существующего строя» [9, с. 178]. Постепенно общество привыкало к постоянным террористическим актам и политическим убийствам. Терроризм, по выражению О.В. Будницкого, «своеобразно и идейно “воспитывал” русское общество» [1, с. 354].

Большинство российских либералов, хотя никогда и не участвовало лично в террористической борьбе, но живо интересовалось ею, задумывалось о ее целесообразности, видело ее внутреннюю логику и стремилось использовать революционное насилие в своих политических целях. При этом постоянно сохранялось противоречие между идеологией терроризма и курсом на либеральные реформы, и либералам приходилось как-то решать для себя эту постоянную дилемму.

В январе 1900 г. скончался известный теоретик русского революционно-народничества П.Л. Лавров. В Петербургском Горном институте было организовано тайное собрание, посвященное его памяти. К П.Н. Милюкову обратились с просьбой председательствовать на этом собрании и выступить с поминальным словом. В своей речи он выделил два течения в революционном народничестве: лавристов (настаивавших на необходимости

* © Пазин Роман Викторович, аспирант кафедры Российской истории, Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П.Королева (национальный исследовательский университет), e-mail: PazinRV@yandex.ru, телефон: 8-937-189-06-81.

подготовки в России крестьянской революции путем развития научной мысли в интеллигенции и пропаганды социалистических идей народе) и бакунистов (проповедовавших идею немедленного бунта и революционного переворота). Закономерным было, по его убеждению, превращение идилического «хождения в народ» под ударами правительства в конспиративное движение, поставившее своей задачей террор против носителей высшей политической власти [7, с. 198]. Свой анализ Милюков заключил категорическим выводом: всякая динамика революционного движения, не приводящего к цели, кончается террором. «Мои слушатели, - писал он в мемуарах, - немедленно поставили вопрос, в какой же стадии мы находимся теперь, и из моего исторического изложения сделали практический вывод» [12, с. 139]. Милюков вспоминал, что «на аудиторию все это произвело то впечатление, которое потом не раз подчеркивал мне Борис Савинков, бывший тогда студентом и находившийся среди присутствующих. "Я собственнно ваш ученик", - говорил он мне полусуто, полусерьезно, - и напомнил мне мой анализ, превратившийся в пророчество» [12, с. 139].

Основной задачей освободительного движения было свержение абсолютной монархии в России. Те, кто объединился под знаменем этого движения, в отличие от земских кругов, совсем не желали преодоления разрыва между представителями правительства и общества. Они совершенно не стремились восстановить обоюдное доверие, согласие и сотрудничество между государственной властью и общественностью.

Конфликт между умеренным земством и самодержавием назрел со вступлением на трон в 1894 г. Николая II. При вступлении на престол новый император получил многочисленные обращения от земств, большинство из них с выражением почтения и лояльности. Но некоторые убеждали его привлечь земства для консультаций с правительственными органами. 17 января 1895 г. он ответил на подобные просьбы следующим образом: «... мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный покойный Родитель» [2, с. 264].

Своими необдуманноими словами Николай II «объявил войну» умеренным элементам российского общества. Это была серьезная ошибка, допущенная властью в конце XIX в., поскольку, отказывая умеренным, она толкала их в объятия радикалов. Неизбежный результат этого очевиден не только по прошествии времени, он был предсказан П.Б. Струве в открытом анонимном письме царю, написанном сразу же после речи царя, вошедшей в историю как речь о «бессмысленных мечтаниях»: «Если самодержавие на словах и на деле отождествляет себя со всемогуществом бюрократии, если оно возможно только при совершенной безгласности общества и при постоянном действии якобы временного положения об усиленной охране, - дело его проиграно; оно само роет себе могилу и раньше или

позже, но во всяком случае в недалеком будущем падет под напором живых общественных сил» [2, с. 266].

Земское движение с этого момента расколосось: большинство пришло к выводу, что, кроме конституции, ничто не спасет Россию или от полной деградации, или от губительного общественного переворота, в то время как меньшинство осталось верным старой либерально-консервативной позиции.

В 1902 г. в Германии начал выходить журнал «Освобождение» под редакцией П.Б. Струве. Два года спустя его сторонники сформировали в Швейцарии коалицию конституционалистов под названием «Союз освобождения». Его российские отделения поведут политическую борьбу, которая достигнет высшей точки в революции 1905 года [17, с. 213]. Этим было конституировано освободительное движение, которое определило свое направление и получило свое организационное оформление. Вступая в борьбу с правительством, оно роднилось со всеми, кто с ним тоже «воевал», хотя и несколькими другими приемами. Граница между эволюцией и революцией все больше размывалась.

Струве был убежден, что самодержавный режим доживает отпущенное ему время, что на самом деле Россия представляет уже не подлинное самодержавие, а полицейское государство, управляющееся «всесторонним наблюдением, негласно осуществляемым на основании тайных инструкций и циркуляров» [15, №20-21, с. 357]. Как только полиция перестанет выполнять свои функции, фиктивное «самодержавие» погибнет. Единственный путь избежать гибели — это реформы: «Мы нисколько не сомневаемся в том, что если правительство не станет на путь коренных политических и экономических реформ, то в России рано или поздно произойдет революция», — писал он в 1902 году [14, №7, с. 102].

В то время Струве все еще благожелательно относился к левым радикалам — вплоть до того, что одобрял террор социалистов-революционеров в ответ, как он говорил, на «правительственный террор» [14, №1, с. 14], — об этом впоследствии он будет сильно сожалеть. Но в 1902 г. убийство министра внутренних дел Д.С. Сипягина воспринималось как «заслуженная кара», а С.В. Балмашев заявлял, что «так поступают с врагами народа» [4, оп. 3, д. 50, л. 33-33об].

Осенью 1902 г. на страницах «Освобождения» развернулась полемика между двумя авторами: Я.Я. Гуревичем и В.И. Вагиным (соответственно под псевдонимами «Земский гласный Т» и «Гласный») [11, с. 294, 393], отражавшая две тенденции в земском либеральном движении. Одна призывала обратиться к новым методам борьбы против самодержавия, не ограничивать себя рамками легальности и «не бояться грозного облика революционера». Другая настаивала на прежней умеренной тактике, предлагая выжидать, пока император не осознает необходимости поставить земцев во главу государственного управления, а в случае, если в стране все же произойдет революция, быть готовыми принять власть на себя [14, №12]. Даже такие осторожные либералы, как граф П.А. Гейден, высказываются резко про-

тив самодержавия. В мае 1902 г. на одном из заседаний кружка «Беседа» он говорил: «Самодержавие также несовместимо со свободой, как солнце с ночью... Самодержавие есть путь к революции» [цит. по: 20, с. 117].

Российские либералы, в отличие от всех прочих радикальных оппозиционеров, никогда напрямую не принимали участия в террористической деятельности. Тем не менее, даже либеральная общественность в целом склонялась на сторону революционеров. Поддерживая боевиков, либералы руководствовались не только ненавистью к правительству, но и стремлением извлечь из террора политическую выгоду.

В №52 «Освобождения» за 1904 г. Милюков опубликовал статью под названием «Очередные задачи русских конституционалистов». Он решительным образом протестовал против статьи «Освобождения», призывавшей к свертыванию оппозиционной борьбы и переходу в «пассивное положение» для создания «государственного общественного мнения». Милюков полагал, что подобные настроения не соответствуют важности исторического момента и что «преступно тащиться в хвосте событий». В реальной политической жизни он считал невозможным отгораживаться от других оппозиционных и даже революционных течений. «Мы не думаем, – писал он, – призывать русских конституционалистов к "террору" и вместе с автором надеемся, что... организованное мнение интеллигенции останется чуждо "классовой борьбе", но мы не можем не признать, что лишь активная борьба, какова бы она ни была по своим формам, расчищает дорогу той группе, которая готовится эксплуатировать победу от имени "государственного" общественного мнения» [16, №52, с. 36-39]. П.Н. Милюков в условиях русско-японской войны призывал читателей журнала «Освобождение» остаться «верным старой "народной поговорке" - Долой самодержавие!». Происходило нарастание, по мере неудачного хода военных действий, пораженческих настроений в либеральной среде, доходивших порой до позиции «чем хуже, тем лучше». При этом имелось в виду, что ослабевшее самодержавие дарует демократические реформы и поделится властью с либералами [20, с. 212-222].

«Союз освобождения», объединявший многих будущих кадетов, изначально разделял задачу террористов – «уничтожить разбойничью шайку, которая узурпировала государственную власть» [5, с. 289]. Неудивительно, что первые политические убийства, совершенные Боевой организацией эсеров, освобожденцы встретили с энтузиазмом.

Все же публично либералы высказывались осторожно, но даже в передовице «Освобождения» после убийства В.К. Плеве сквозила сдержанная радость, а прозвучавший взрыв называли благотворным для России [16, №59, с. 2]. За некоторое время до убийства В.К. Плеве другой известный либерал и член «Союза освобождения», князь Д.И. Шаховской, который вскоре вошел в кадетский ЦК и стал, кроме того, секретарем I Думы, все повторял в одном дружеском разговоре: «Плеве надо убить... Плеве пора убить» [19, с. 166]. Поэтому известие об убийстве Плеве «вызвало в доме редактора "Освобождения" П.Б. Струве такое радостное ликование, точно это было известие о победе над врагом» [19, с. 176].

К моменту гибели Плеве стал уже предметом всеобщей ненависти. Консервативный либерал Д.Н. Шипов вспоминал, что ему новость о гибели Плеве пришла по почте: «письмо врача, сообщившего эту вест, дышало как бы радостью, и он, по-видимому, спешил приветствовать меня, предполагая очевидно, что и я разделяю его отношение к событию» [22, с. 238]. Но большинство либералов клеймило позором за это убийство не террористов, а правительство. «Не горсть смельчаков, идущих на верную смерть, физическими своими ударами разит самодержавие в лице его сановников, – писал сразу после гибели Плеве П.Б. Струве. – Самодержавие разит та политическая атмосфера, которая неизбежно рождает этих убийц, и тот морально-политический резонанс, который их акты находят в стране. Чувство радости и удовлетворения, охватывающее русское общество при известии об убийствах вершащих его судьбы сановников, конечно, указывает на глубокую ненормальность во всем положении общества и народа» [16, №52, с. 33-36]. Струве выражал тревогу, что террористическая система опирается на ненависть масс к властям. Хотя при всех этих опасениях сам с радостью встретил убийство министра внутренних дел.

Многие либералы признавали политическую целесообразность убийств. П.Д. Долгоруков, будущий член ЦК кадетов, уверял, что «потепление» во внутренней политике при Святополк-Мирском обеспечено убийством Плеве. Можно отметить близость восприятия либералами и социалистами террористов как героев. Не случайно, что эсеры говорили о Егоре Сазонове как о «казнившем зверя в образе человеческом Плеве». Также и С.П. Миклашевский из «Союза освобождения» открыто называл его примером для подражания, а П.Н. Милюков говорил, что Иван Каляев принес жертву на благо русского народа [4, оп. 3, д. 50, л. 49].

Не имея возможности бороться с самодержавием напрямую, многие либералы оказывали посильную помощь террористам: предоставляли им свои дома в качестве убежищ [3, с. 137], участвовали в сборе средств для финансирования Боевой организации эсеров [5, с. 291] и т.д. Например, брат Д.И. Шаховского, Сергей Иванович, устроил у себя склад револьверов для повстанцев и прятал их в огромной пустой голове алебастрового Аполлона, украшавшего московскую квартиру князя [8, с. 191]. «Московские ведомости» выдвигали версию, что без финансирования либералами деятельность боевой революционной организации была бы невозможной. Издание предлагало искать сторонников террора в либеральных слоях общества, которые желают реформ и руками террористов добиваются для себя уступок [13, 22 июля, с. 2].

Даже те из либералов, кто ставил под сомнение политическую выгоду терактов, признавали вынужденный характер российского террора. «Можно отрицать целесообразность политических убийств, крайне редко приносящих действительную пользу», но нельзя отрицать, что террор – дело вынужденное, писал либеральный публицист К.К. Арсеньев. «Виселице отвечает револьвер или бомба», – указывал он [цит. по: 6, с. 35].

Позже Струве и другие либералы поменяют свое отношение к террору, поскольку стало очевидно, что для радикалов террор был способом жизни

и направлен он был не столько против власти, сколько против легального политического развития. Но в той напряженной обстановке, когда политика стала делом любого обывателя, террористы вызывали широкое восхищение, как борцы за свободу. Наверное, не случайно писатель Л.Н. Андреев призывал хранить вечную память о «погибших борцах за свободу», которые «своей неустанной работой, своими смертями и кровью, подточили трон Романовых» [4, оп. 3, д. 50, л. 218].

В начале октября 1904 г. земские лидеры, по утверждению историка К.А. Соловьева, не чувствовали себя слишком уверенно: «прежде всего, они пока не верили в возможность широкой поддержки радикальных политических требований в земской среде» [18, с. 195]. Но все же земцы относились к представителям интеллигенции «с преувеличенным почтением и жадно впитывали ее взгляды и настроения» [8, с. 165].

По утверждению Д.И. Шаховского, земская среда была слишком консервативна, чтобы сыграть какую-либо роль, «на нее надо сильно давить извне, раскачивать ее». От общих рассуждений о необходимости изменения политического строя России новому рупору либералов надо перейти к его резкой критике. «Одна из первых задач такого органа как “Освобождение”, – отмечал Шаховской, – дискредитировать правительство. И это не какая-нибудь второстепенная задача, нет, это дело огромной важности, перво-степенного политического значения» [цит. по: 8, с. 172]. «Всякие уступки и колебания губительны для существующего режима: он держится и может еще некоторое время держаться только насилием, внушающим страх», – писал другой либерал, П.Д. Долгоруков, в октябре 1904 г. в своей статье «Исторический урок» на страницах «Освобождения» [16, №57, с. 118].

Земский съезд 6-9 ноября 1904 г. не предлагал, а именно требовал у власти принятия конституции, создания законодательного органа власти, отмены положения об усиленной охране, прекращения административных репрессий и проведения амнистии «по отношению к лицам, подвергшимся преследованиям и наказаниям по политическим делам» [21, с. 106]. Более того, большинство участников земского съезда отказались принимать предложение А.И. Гучкова о том, что вместе с предложением отменить смертную казнь необходимо «осудить всякие насилия и убийства как средство политической борьбы». Председательствующий на съезде Муромцев заявил отвод этому предложению, поскольку оно «выходит за пределы компетенции съезда» [10, с. 263].

Таким образом, с ноября 1904 г. происходила политическая «поляризация» общества. Земские и дворянские собрания раскалываются надвое: одни поддерживают решения ноябрьского съезда, другие – нет.

Примерно в это же время (с 20 ноября 1904 г.) после ноябрьского земского съезда по инициативе «Союза освобождения» в стране развернулась широкая «банкетная» кампания. Всего до начала революции, по сведениям департамента полиции, в 34 городах России произошло более 120 собраний. По подсчетам К.Ф. Шацилло, в них приняли участие около 50 тыс. человек [20, с. 294].

Большинство земских деятелей постепенно присоединилось к сторонникам «политического радикализма», то есть к «Союзу Освобождения». Консервативные либералы, которые, как, например, Д.Н. Шипов, не хотели терять надежды, что «государственная власть добровольно откажется от пагубной политики недоверия и преследования свободного проявления личной и общественной жизни» [22, с. 214], стали также меньшинством и среди представителей земской общественности. Стоит отметить, что Шипов был бесспорным лидером консервативного крыла земского движения, его уважали даже те, кто с ним не соглашался. Раскол в либеральном движении привел к тому, что позже большая его часть присоединилась к кадетам, а меньшая – к «Союзу 17 октября» [17, с. 219].

Тема «безоговорочной капитуляции» правительства достаточно подробно обсуждалась на страницах либеральной прессы на протяжении всего периода, когда Святополк-Мирский был министром внутренних дел. По словам князя П.Д. Долгорукого, будущего члена кадетского Центрального комитета и депутата I Государственной Думы, «политическая весна» П.Д. Святополк-Мирского была обязана своим существованием бомбе, которая в июле 1904 г. убила министра внутренних дел В.К. Плеве [цит. по: 23, с. 83]. Милюков в двух своих напечатанных в «Освобождении» статьях – «Новый курс» и «Фиаско нового курса», – как и Струве, отверг возможность перемирия с правительством. Его девиз был: либо все, либо ничего – либо конституция, либо война с правительством. И речи не могло идти ни о какой «промежуточной позиции» между самодержавием и оппозицией [16, №57, с. 113-114; №60, с. 161-162].

Таким образом, либеральная интеллигенция в начале XX в. смогла сформировать в российском обществе терпимое отношение к революционному террору. Сами теракты, скорее всего, не имели бы такого резонанса в обществе, если бы не его поддержка «демократическими» либералами. Чем больше сочувствия со стороны общества встречали террористы, тем больше терактов они совершали. Также стоит отметить, что накануне Первой российской революции значительная часть либеральных земских деятелей стала разделять позицию «Союза освобождения» по вопросу об оправдании террора. Либералы надеялись, что теракты социалистов заставят власть пойти на уступки.

Библиографический список

1. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2000. 400 с.
2. Бурцев В. За сто лет: 1800-1896. Сборник по истории политических и общественных движений в России. Т.1. Лондон, 1897. 459 с.
3. Вагнер-Дзвонкевич Е.Н. Покушение на начальника киевской охранки полковника Спиридовича // Каторга и ссылка. 1924. №12.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 523.
5. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с.
6. Гусев К.В. Рыцари террора. М.: Луч, 1992. 144 с.

7. Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Милюкова. М.: Институт российской истории, 1993. 240 с.
8. Кузьмина И.В., Лубков А.В. Князь Шаховской. Путь русского либерала. М.: Молодая гвардия, 2008. 363 с.
9. Леонов М.И. Террор и смута в Российской империи начала XX в. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2007. №5/3 (55). С. 175-186.
10. Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля - 2 июня 1907 г. М.: Центрполиграф, 2006. 335 с.
11. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 1. М.: Всесоюз. кн. палата, 1956. 442 с.
12. Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. Нью-Йорк, 1955. 438 с.
13. Московские ведомости. 1904.
14. Освобождение. 1902.
15. Освобождение. 1903.
16. Освобождение. 1904.
17. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008. 249 с.
18. Соловьев К.А. Кружок Беседа. В поисках новой политической реальности. 1899-1905. М.: РОССПЭН, 2009. 288 с.
19. Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М.: Слово, 1998. 559 с.
20. Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг.: организация, программы, тактика. М.: Наука, 1985. 346 с.
21. Шевырин В.М. Рыцарь российского либерализма. Граф Петр Александрович Гейден. М.: Премьер Пресс, 2007. 256 с.
22. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. 592 с.
23. Piha Th. A Russian European: Paul Miliukov in Russian politics. London: University of Notre Dame Press, 1969. 373 p.

Roman Pazin

POLITICAL TERROR AND LIBERALS ON THE EVE OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION

The article is devoted to the attitude of Russian liberals toward political terror and their tactics on the eve of the revolution of 1905–1907. The author comes to the conclusion that many liberals approved and morally supported the use of political terror against the power.

Key words: Russian history; Russian revolution of 1905–1907; terror; liberalism; tactics.